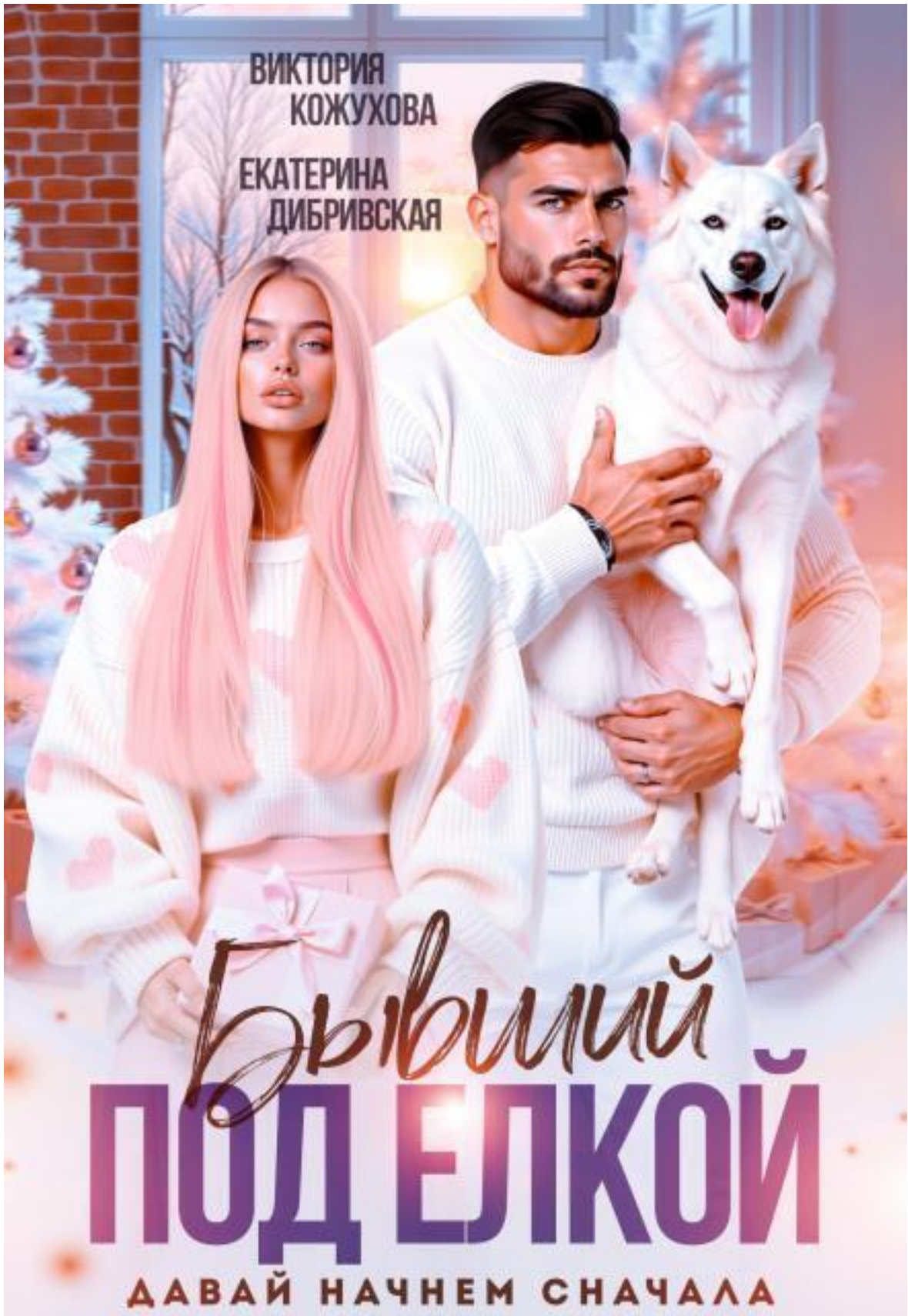

ВИКТОРИЯ
КОЖУХОВА

ЕКАТЕРИНА
ДИБРИВСКАЯ

Бывший
ПОД ЕЛКОЙ

ДАВАЙ НАЧНЕМ СНАЧАЛА

Екатерина Дибривская

**БЫВШИЙ ПОД ЕЛКОЙ.
ДАВАЙ НАЧНЕМ СНАЧАЛА**

«Литнет»

2025

Дибривская Е.

Бывший под елкой. Давай начнем сначала / Е. Дибривская —
«Литнет», 2025

– Соколова, ты ли это прячешься там, под этой убогой формой? Насмешливый мужской голос мне знаком до оскомины. И принадлежит Макс Горскому, моему первому бывшему. Медленно выпрямляюсь, сдувая со взмокшего от испарины лица надоедливую прядку волос, поворачиваюсь и вижу его. Максим, одетый в люксовые шмотки, смотрит на меня с усмешкой сверху вниз. А я в форме горничной сижу посреди коридора, прямо у его ног, и молча взираю на него. Неловкая ситуация. Даже и сказать нечего. Вот уж чего я совершенно не ожидала, выходя на ставку горничной в только что открывшийся отель, что встречу тут своего бывшего! Но самая главная новость ждёт впереди – он тут ещё и босс! И хочет во что бы то ни стало меня извести. Только мы ещё посмотрим кто кого!

Заходите в другие наши истории! ♥# Бывшие. По осколкам наших судеб ♥# Развод. Заставь меня влюбиться снова ♥# Бывшие. А тому ли я дала... обещание любить? ♥# Развод. Леди для мужлана ♥# Развод. Заноза для несносного босса

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Лана

Стою на карачках посреди длинного коридора, в самой нелепейшей позе – попой кверху, и остервенело натираю антижиром свеженькое пятно от перевернутого на новое ковровое покрытие жульена. От частых резких движений рукой форменное платье дергается, так и норовя оголить мой зад. Я бросаю взгляд на глянцевую поверхность стеновых панелей, изучаю свое отражение – белоснежный бант фартучка на поясице забавно подпрыгивает каждый раз, когда дрыгается мое тело – и вдруг вижу приближающиеся тени со спины.

– Так-так-так, – разносится по коридору голос, от которого я мгновенно застываю, судорожно сжимая губку в руке. – Соколова, ты ли это прячешься там, под этой убогой формой?

Насмешливый мужской голос мне знаком до оскомины. И принадлежит Макс Горскому, моему первому бывшему.

Медленно выпрямляюсь, сдувая со взмокшего от испарины лица надоедливую прядку волос, поворачиваюсь и вижу его. Максим возмужал за прошедшие годы, плечи стали шире, руки обросли мощными бицепсами, трицепсами и прочими всевозможными “цепсами”, на смазливом лице, на которое всегда покупались все девушки в округе, теперь красуется стильная щетина. И лишь непослушные вихры его темных волос – те самые, в которые мне когда-то так нравилось запускать свои пальцы, – остались прежними.

Макс, одетый в люксовые шмотки, смотрит на меня с усмешкой сверху вниз. А я в форме горничной сижу посреди коридора, прямо у его ног, и молча взираю на него. Неловкая ситуация. Даже и сказать нечего. Вот уж чего я совершенно не ожидала, выходя на ставку горничной в только что открывшийся отель, что встречу тут своего бывшего!

Время ненадолго словно останавливается. Я усиленно соображаю, что делать, Макс явно наслаждается увиденным. А потом большая белая собака, которую он держит на кожаном поводке, осторожно высовывается из-за его ног, деликатно обнюхивает мое лицо, пока я обмираю от страха, и облизывает мою щеку шершавым языком.

– Ма-а-а-акс, – жалобно пишу я еле слышно, внимательно следя за пастью с острыми зубами. – Убери...

Собака расплывается в подобии улыбки, наклоняет голову вбок и вываливает розовый язык. Наблюдает за мной с таким интересом, словно я – какой-то зверек и сейчас она решает достаточно ли я аппетитно выгляжу, чтобы меня сожрать.

– Фу, Лулу, – наконец говорит Макс и подтягивает поводок ближе к себе. А когда собака нехотя снова прячется за его ногами, бросает мне: – Я и забыл, какая ты трусиха.

Я открываю рот, чтобы схамить в ответ. Но бог – сегодня в лице очаровательной молоденькой блондинки – отводит меня от этого опрометчивого шага.

– Ну Масик, – капризно протягивает нимфа с тоненькими ногами. – Долго ты тут будешь еще возиться со своей обслугой?

– Пошли в номер, – не обращая на нее никакого внимания, говорит он, все также сверля меня взглядом. – До скорой встречи, Светка Соколова! Ты даже не представляешь, как я рад тебя видеть!

– А уж я то как рада! – фыркаю в ответ и отворачиваюсь, возвращаясь к своему занятию.

Первая новая встреча не задалась, и думать, что все последующие будут лучше, не приходится. Но самая засада ждет впереди.

Ведь Макс со своими белобрысыми спутницами пересекает все пространство длинного коридора и входит в единственный люкс королевского размера на этом этаже. Люкс, подготовленный специально для владельца этого отеля. Да быть такого не может!

– И, да, Светка, – словно читая мои мысли, Макс задерживается на пороге и громко обращается ко мне. – Буду признателен, если ты лично будешь обслуживать мой номер. Ты, а не кто-то другой.

Ну это просто офигеть можно какая нелепость!!!

Он же это не серьезно?

Поднимаю взгляд на Макса и понимаю: он серьезно.

– А что так? – спрашиваю у него. – Боишься, что тебя обчистят?

– Нет, – пожимает он плечами. – Не боюсь. Просто хочу насладиться сполна...

– Каааазел! – выдыхаю себе под нос.

– Ты что-то сказала? – глумливо переспрашивает Горский.

“Дыши, Светка”, – велю себе. – “Нельзя потерять свой первый и такой выгодный контракт из-за этого... недоразумения!”

– Хорошо, говорю, – отзываюсь я. – Будет сделано, босс!

– Вот, так-то лучше! – радуется придурок-бывший. Так бы и швырнула в его лощеную рожу ведро с мыльной водой – глядишь, и смылась бы эта улыбка. Стерлись бы ямочки...

Наконец он переступает порог своего номера. Едва за ним закрывается дверь, я перестаю тереть злосчастный ковер. Поднимаюсь, вытираю руки прямо о форменное платье. Тут же набираю номер Ивана – это с ним я заключала договор об оказании услуг. И отхожу подальше, скрываясь на лестнице.

– Да, алло! – мне отвечают после шестого гудка.

– Иван, здравствуйте! Это Светлана. Светлана Соколова...

– Здравствуйте, Светочка! – мгновенно узнает он. – У нас какие-то проблемы?

– У нас нет проблем. Скорее – небольшое недопонимание. Я заключала договор с вами, как с владельцем отеля, но тут явился другой владелец...

– А, простите, что не предупредил. Мы с Максимом – совладельцы, забыл вас предупредить. Думал, успею завершить дела и мы заселимся в одно время, но обстоятельства вынудили задержаться в Москве. Надеюсь, мой друг-оболтус не доставил вам проблем?

“Пока не доставил, но стремится к этому”, – думаю мне.

Вслух же говорю:

– Нет, что вы! Какие проблемы, если он – такой же босс, как и вы!

– Ну и отлично. А то этот засранец может, – смеется Иван.

“Это точно. Засранец. Всегда таким был.”

– Я просто хотела уточнить на всякий случай, нет ли никаких ошибок и не подведем ли мы вас, выполняя поручения от того, кто явился и назвал себя владельцем отеля, – говорю чопорно. – Спасибо, что прояснили этот момент.

– Спасибо вам за бдительность! – не остается в долгу Иван. – Макс вроде не самодур, но слишком уж носится со своей собакой. Если почувствуете, что он перегибает палку, просто позвоните мне. А так – я постараюсь поскорее покончить с делами и прилететь на открытие.

– Спасибо, Иван. Хорошего дня!

– И вам!

Он отключается, а я делаю несколько глубоких вдохов.

Итак, мы имеем следующее:

а) я заключила договор на оказание клининговых услуг с новеньким отелем;

б) Иван Долинин и Максим Горский – совладельцы этого отеля;

в) я заменила одну из сотрудниц, которая так не вовремя сломала ногу, и теперь Макс думает, что я – обычная горничная.

Ве-ли-ко-леп-но!

Нет, я, конечно, могу обратиться к Долинину, чтобы он внес ясность на мой счет. Или ткнуть договором в самодовольную рожу Максима самостоятельно. Но зачем? Разве мне не все равно, что он думает обо мне и думает ли вообще?

“Все равно”, – заключаю я. И подобие решения действует как гора с плеч.

У меня есть план, и я должна придерживаться его, невзирая ни на какие обстоятельства. И ни один бывший не заставит меня отступить. Тем более Макс Горский.

До самого обеда я не наблюдаю ни самого Макса, ни его расфуфыренную подружку. Наверное, отдыхают с дороги. Тем лучше для меня. Я почти забываю об этой встрече, погружившись в привычную работу: раздаю распоряжения своим сотрудникам, намечаю план действий на завтра. Хочется поскорее выработать оптимизацию рабочего времени, структурировать задачи – такой крупный заказ у нас впервые, и для меня всё пока ново.

Я сверяюсь с журналом регистраций заездов на завтра на стойке ресепшн, чтобы девочки успели подготовить номера своевременно. Краем глаза вижу собаку Макса – она как раз выходит на улицу, явно ведь не одна. И мне становится легче дышать: хоть на короткое время я могу не бояться столкнуться с ним где-то в холле или в коридоре.

Проходит обед. Я бегу по своим делам, когда слышу капризное:

– Эй, ты!

Удивленно поворачиваюсь и вижу мамзель Горского – блондиночку в розовом горнолыжном костюме.

– Это вы мне? – спрашиваю, приподнимая бровь.

– Да, тебе, – брезгливо поджимая губы, кивает она.

– Вам, – поправляю я. – К незнакомым людям – а уж если они ещё и старше по возрасту! – принято обращаться на “вы”. Что вы хотели?

От резкого перехода темы блондиночка открывает рот и подвисает. Я мысленно додумываю, как над её головой начинает крутиться кружок загрузки – как в тех самых мемах, и едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться.

Так и не придумав, видимо, достойного ответа, она изрекает:

– Вы ж наша услуга. Там в нашем номере нужно прибраться, – и, не дожидаясь ответа, резко разворачивается и уплывает в сторону выхода. Запрела, поди, бедненькая.

Я смотрю на ее модельную походку от бедра и качаю головой. Н-да, я была куда лучшего мнения о Максе! И где он только откопал такой самородок?!

Но делать нечего. Надо идти в их номер королевского размера и навести порядок, пока там никого нет.

На нужном этаже беру в кладовой тележку со всем необходимым, подхожу к двери. Таблички “не беспокоить” не наблюдается, поэтому я спокойно прохожу внутрь, втягиваю тележку, закрываю дверь.

Первым делом оцениваю объемы работы. Медленно прохаживаюсь по комнатам и выдыхаю. Бедлам наблюдается пока только в спальне: на огромной кровати вывалены, кажется, три чемодана женских вещей, что-то свалилось на пол, гора косметики валяется на туалетном столике, на мягком стуле перед ним громоздятся вещички мамзели, в которых она приехала. Все, включая нижнее белье и носки.

– Капец, – говорю я своему отражению. – Ну и неряха!

Но делать нечего – скандалы мне ни к чему. Поэтому я надеваю перчатки и начинаю уборку. Раскрываю шкаф, аккуратно складываю в него вещи блондиночки. Дело идёт легко и быстро – благо она не успела перевернуть большинство ровных стопочек, вынутых из чемоданов. Когда с кровати всё убрано, я подбираю вещи с пола. И заглядываю под кровать.

Но вместо случайно завалившихся под неё вещей вижу горящие в темноте желтоватым блеском глаза. И белоснежные острые зубы.

– Гав, – задорно изрекает белая псина, вываливая из пасти розовый язык в слюнях.

– Хорошая собачка, – бормочу я, пятясь задом. Она ползёт ко мне, и тогда я резко вскакиваю и бегу по номеру в поисках спасения.

Перед выходом стоит пресловутая тележка, а адская гончая буквально дышит в мою пятую точку. И я ныряю в уборную, громко хлопая дверью прямо перед её носом.

Сердце колотится так оглушающе, словно прямо у меня в башке. И мне практически нечем дышать от леденящего ужаса. Я даже не сразу понимаю, что в ванной горит свет и клубится влажный горячий пар.

Не понимаю ровно до того момента, пока не слышу за спиной:

– Ба, Светка! Ко мне решила присоединиться?! Ну так не стесняйся, раздевайся и заходи!

Глава 2

Максим

Чертовы горы. Чертов отель, который меня угораздило купить за бешеные бабки! Чертова Соколова, которая так внезапно встретилась на моем пути! Снова.

– Пупсик, ты злишься? – дует губки Эвелина. Бросаю на нее косой взгляд. Ох уж это чудо пластической хирургии. Чудовище, я бы сказал.

“И как только ее подцепил? Где были мои глаза?” – взгляд против воли опускается ниже, к глубокому декольте.

“Ну в принципе, понятно, где... Хотя у Светки все же лучше... Так, стоп! Не думать об этом, не думать!”

– Нет, – резко обрубая я.

– Мне показалось, что ты знаком с той служанкой...

Последнее слово заставляет меня поморщиться. Почему-то неприятно, что такие пустые губы как у Эвелины рассуждают о профессии в каком-то негативном ключе. Хотя откуда она вообще может знать, что такое работа? Дочка богатого папочки, которая даже не задумывается о простых смертных.

В отличие от Светланы... Та, конечно, в свое время хотела весь мир покорить...

“Покорила, да?” – невольно ухмыляюсь, вспоминая ее растерянный взгляд. А уж поза, в которой я ее увидел... Мне понравилось, как она склонилась передо мной.

“Ох, Светочка-Светочка, не тот путь ты выбрала, когда бросила меня...”

Видеть бывшую, натирающую пол в моем собственном отеле, стало шоком для меня. Бывшую, которая так хорошо училась, была такой примерной пай-девочкой, которая хотела лучшего... Где она теперь? У моих ног.

От осознания этого ядовитое удовольствие растекается по венам.

– Ну обрати на меня внимание! – жужжит противный голосок Эвелины около уха. – После встречи с этим пугалом в коридоре глаза аж стеклянные у тебя! Она тебе понравилась что ли? Или ты реально ее знаешь?

“Понравилась? Да я ее ненавижу!”

Как можно было не слышать наш со Светой разговор? Эвелина совсем тупая что ли?

– Солнышко, может ты вместо того, чтобы задавать глупые вопросы, сходишь с души и освежишься после перелета? А я свожу Лулу на прогулку и принесу тебе бутылочку просекко и каких-нибудь легких закусок, окей?

– Вау, Масичек, ну ты умеешь поразить меня в самое сердечко! – складывая губы уточкой, противно сюсюкает Эви. Чувствую себя кретином рядом с debilкой. Зачем, ну зачем девушки делают это?

Отворачиваюсь, закатывая глаза. И зову:

– Лу! Лулу! Иди ко мне, девочка!

Моя единственная верная и безусловно любимая – белая швейцарская овчарка по кличке Лувилана – тут же радостно бросается ко мне, преданно заглядывая в глаза, и я говорю ей:

– Пойдём-ка поиграем в снегу, Лулу! Я знаю, что тебе нужно размяться после дороги.

Быстрый взгляд на раздевающуюся Эвелину, которая смотрит на меня с примесью брезгливого равнодушия, и я торопливо подхватываю поводок, куртку и выхожу за дверь.

Испытываю небольшое разочарование, ведь Светка уже успела улизнуть. Хотя... К черту все!

Пару часов мы с Лулу, дурачась и забавляясь, изучаем нашу территорию. Нагулявшись вдоволь, я веду её в отель, на ходу отдавая распоряжение подать немедленно в номер вино и закуски.

А в номере уже при полном марафете красуется перед зеркалом в одном пеньюаре моя, так полагаю, девушка.

Не дожидаясь, пока я разденусь, она подходит ко мне, повисая на шее, и я чувствую легкий запах алкоголя.

– Уже добралась до мини-бара? – хмыкаю я, отцепляя от себя её руки.

– Тебя долго не было, а мне нужно было расслабиться... – Она помогает мне раздеться, касается ширинки. – Тебе тоже не мешает расслабиться...

Я знаю, что будет дальше. Её проворные пальчики с длинным маникюром скользнут под белье и обхватят мою плоть. Сделают её твердой.

Она опустится на колени и будет ублажать меня своим ртом с пухлыми губами, полными ботокса. Возможно, мне стоит расслабиться?

Но я не хочу. Вопреки здравой логике, любым мужским убеждениям – я накрываю её руку ладонью, несильно сжимаю и отвожу в сторону.

– Много дел, малышка. Не сейчас. Давай я сгоняю в душ и немного поработаю, а ты в это время возьмешь мою золотую карточку и прошвырнешься за покупками? – елеинно улыбаюсь ей. – Я вызову тебе такси, тут до ближайшего городка прям недалеко... Лимит на карте бесконечный! Можешь купить себе все, что захочешь!

Ее лицо светлеет, а губки распахиваются:

– Ты просто супер, зай!

И Эвелина тут же снова вешается мне на шею, запечатлевая липкий поцелуй на щеке. Морщусь.

И почему я ее только терплю? Хотя она неплохо работает ртом... Но сейчас это все неважно. Ведь я никак не могу забыть о Свете.

“Как бы я хотел забыть о... ненависти к ней!” – тоскливо думаю я.

Уже избавившись от назойливого внимания своей подружки и стоя в душе, я пытаюсь настойчиво стереть из своей памяти встречу с бывшей. Но не получается.

Она ведь ни черта не изменилась. Осталась все такой же дерзкой, все такой же прямой и... красивой. А эта форма, которую я назвал жуткой... Нужно сменить всю форму горничных в отеле. Потому что это никуда не годится! Не может быть юбка такой короткой длины! И почему я это только сейчас заметил?!

Быстро намыливаюсь. Горячая вода щедро льется на голову, но возбуждение, острое и тяжелое, уже наливается в паху.

Сжав зубы, качаю головой. Нет, только не это. Я больше не буду о ней думать!

“Эвелина... Нужно вспомнить Эвелину! И зачем я ее только прогнал?”

Никогда бы не подумал, что буду радоваться дикому шуму, но он отвлекает меня от непожеланных мыслей.

Однако это оказывается единственным плюсом в моей ситуации.

Потому что в ванную ко мне вваливается Светлана, судя по всему сбегав от моей бешеной собаки, которая проявляет дружелюбие ко всем, даже к тем, кто этого не хочет!

– Ба, Светка! Ко мне решила присоединиться?! Ну так не стесняйся, раздевайся и заходи!

Слова вываливаются из моего рта прежде, чем я успеваю задуматься об их смысле. А когда понимаю, что ляпнул, едва ли не хлопаю себя по лицу от досады.

И еле успеваю повернуться к ней филейной частью, чтобы она не заметила моего возбуждения!

Чувствую на своей спине ее ошарашенный взгляд.

– Что ты здесь делаешь?!

- Моюсь, как видишь! – не сдержавшись, зло рывкаю я. – Чего вылупилась, иди отсюда!
- Не могу! Там твоя собака!
- Да не съест она тебя, чего боишься?
- Она так ломится сюда... А-а-а!

Дикий крик все же заставляет меня с ужасом оглянуться.

“Что, эта несносная собака наконец отомстила за меня и откусила кусок задницы этой негодяйки?”

Но моим злорадным планам, кажется, не суждено сбыться. Потому что адское животное действительно вламывается в ванную с диким скулящим воем, сообразив наконец, как навалиться на ручку и опустив её вниз. Умная всё-таки у меня собака! И я бы как следует восхитился её сообразительности, но она-таки пугает Светку настолько, что та пятится, пятится ко мне прямо под душ, пока не валит меня с ног!

Ощущение горячего знакомого тела просто пришибает меня к месту. Обоняние еще помнит запах ее волос, а руки – плавные линии ее тела. Шиплю сквозь зубы и убираю Светку чуть дальше от себя, уже ни на что не обращая внимания.

“Я не сорвусь. Не сорвусь. Я старый солдат и не знаю слов любви...”

– Лулу! Тихо! – рывкаю я на собаку, и та виновато поджав хвост, тихо скулит.

Быстро заматываюсь в полотенце, а потом еще зачем-то натягиваю на себя банный халат. Сурово смотрю на дрожащую мокрую Светку.

– Ты хоть воду-то закрой. Или все же решила помыться? Учти, это люксовый номер, придется заплатить. Не то чтобы у тебя были эти деньги...

– Выйди.

– Что?

– Выйди, черт побери! – рывкает она.

Осуждающе качая головой и складываю руки на груди:

– Не знакомо тебе чувство благодарности, Светка. Я тебя спас от бешеного пса, а ты рычишь на меня!

– Ну пожалуйста, что, тебе сложно что ли?!

– Ладно-ладно, – сдаюсь я. – Сейчас найду тебе новую форму.

Она кивает, и я выхожу из ванной. Вывожу оттуда Лулу, подавив желание оставить ее снаружи около двери. Чтобы Светка не сбежала... Хотя куда она сбежит отсюда?

“Кто ее принял на работу? И почему она тут оказалась? Нужно разузнать...”

В сердцах снова чертыхаюсь. Какой же я неисправимый болван! Надо бы просто оставить ее в покое...

Эти тяжелые мысли одолевают меня все то время, пока я хожу за формой. Спуститься приходится аж в прачечную. Там на меня все смотрят как на восьмое чудо света. Еще бы, не каждый день увидишь нового хозяина в банном халате, да еще и под Новый год!

Быстро хватаю одежду и спешу в свой номер.

А там...

Там просто застываю, пораженно уставившись на открывшуюся мне картину.

Неизвестно когда вернувшаяся Эвелина с диким криком вытаскивает голую Светку и держит ее за волосы. И верещит не своим голосом:

– Как ты мог переспать с этой служанкой?!

– Да отпустите вы меня! Никто ни с кем не спал! – Света пытается выдраться из ее крепкой хватки, но Эвелина не дает.

– Ну ты и пронырливая! – шипит злой змеей. – К чужому мужику в кровать залезла так быстро!

– Эви, ты все не так поняла... – сжимаю форму в руках, вновь и вновь борясь с желанием впечатать руку в лицо.

Это самая нелепая ситуация, в которой я когда-либо находился. И самая дебильная фраза, которую мог сказать в принципе. Просто иллюстрация к идиотскому фарсу, который сейчас разыгрывается перед моими глазами.

– Эви, отпусти горничную. Она ни при чем здесь. Моя собака ее напугала сильно...

– И поэтому она оказалась голая в душе?!

– Отпусти, я сказал! И мы поговорим! – рявкаю я, и глупая подружка наконец-то слушается меня.

Протягиваю Свете форму и цежу сквозь зубы:

– Возьми и быстрее уходи!

Она кивает, хватая одежду и бежит в ванную. И спустя уже минуту словно ошпаренная выскакивает оттуда. Проносится мимо нас, хлопает дверью.

Оставляя меня как идиота объясняться с этой Эвелиной!

Спустя двадцать минут крокодильих слез, моих уверений в бесконечной любви и заверений в такой же (нет) бесконечной верности Эвелина затихает. Лишь смотрит на меня грустными глазами раненой лани и шмыгает носом.

Я уверен, наше молчание продлится недолго. И вуаля! – Эвелина выдает:

– Я так и не успела ничего купить! Поняла, что забыла твою карточку безлимитную здесь и вернулась! Ма-а-ась, ты же хочешь загладить свою вину?

Едва не фыркаю.

Вот оно что!

– И что от меня нужно сделать? – осторожно интересуюсь я.

– Поехали по магазинам вместе!

В висках начинает стучать боль. Я планировал отдохнуть от Эвелины, Светки, да, впрочем, ото всех баб на свете! Хотя бы в этот Новый год развеяться, немного расслабиться! Ведь на покупку этого отеля у нас с компаньоном ушло море времени, денег и сил!

И меньше всего я хочу таскаться по бабским делам!

– Возьми карточку, у меня голова болит. Поезжай одна. Я сегодня устал.

– А если эта стерва опять сюда припрется?! – глаза Эвелины вновь вспыхивают яростью. – Я этого так просто не оставлю!

Я бы мог послать ее куда подальше, но... одно плохо. Мне сейчас проблемы не нужны, а ее отец, если обижу дорогую дочурку, может мне обеспечить кучу неприятностей, потому что является акулкой в сфере недвижимости. Слышал я о нем от Ивана...

– Хорошо, – неохотно сдаюсь я. – Собирайся.

Когда женщина в отвратительном настроении, это всегда бьет по кошельку!

“Однако когда она в хорошем, то тратит еще больше”, – мрачно думаю я, разглядывая разноцветные, я бы даже сказал, пестрые шмотки в бутике.

Хорошо хоть, что удалось уболтать её не ехать в центр цивилизации, а осмотреться для начала в местном магазине. Работники бутика, расположенного на территории отеля, уже, конечно, знают, как выглядит их новый босс. Поэтому нас с Эвелиной встречают как дорогих гостей. Ей предлагают шампанское, от которого она, конечно же, не отказывается, а мне – кофе.

Эвелина что-то весело щебечет за шторкой, потом отодвигает ее, позволяя мне любоваться собой, одетой в красивое эротичное белье.

Только вот желания во мне нет никакого абсолютно.

Усталость лишь охватывает с каждой минутой все сильнее и мне уже труднее скрывать свое нарастающее раздражение.

Невольно присматриваюсь к Эвелине.

Хотя ее лицо слишком уже выхолощено и переделано, она красивая. Не может не напоминать мне Светку ранее. Черты лица правильные, волосы светлые... Возможно, Светка бы так же выглядела, если бы ее жизнь сложилась иначе...

“Если бы она выбрала меня”, – рычит злость в душе.

Чертова девчонка. Ее появление вышибло из меня дух и остатки здравого смысла.

Все пройдено. Похоронено уже давным-давно.

Я оказался неподходящей партией для слишком хорошей девочки, которая отучилась, получив красный диплом. Слишком богатым, слишком избалованным, привыкшим получать все, что захочу.

А хотел я именно Светку. Но моего желания оказалось недостаточно.

Встаю с дивана, небрежно бросаю Эвелине:

– Поменяй. Мне не нравится. Очень пошло, тебе не идет красный.

Эвелина обиженно дует губки, но створку закрывает.

Я же следую между рядами, прохожусь задумчивым взглядом по красивым дорогим платьям.

“Все верно. Мне нужна только месть. Сладкая, приносящее удовлетворение... И раз Светка сама попалась мне в руки, грех не воспользоваться такой возможностью...”

Рука сама находит красное платье. Точно такого же оттенка, какого было нижнее белье на Эвелине. Короткое, вульгарное. Под стать Светке, которая за эти года превратилась неизвестно во что.

“Интересно, ей понравится это?” – сжимаю в руках шелковую ткань.

Потому что я собираюсь преподнести ей этот подарок.

Глава 3

Лана

После того, как я выбегаю из номера Максима, запираюсь в своем номере на целый час.

Такого позора моя перепись давно не видела. Это ж надо было так проштрафиться на новом рабочем месте!

“Ну почему, почему, почему бывший стал моим начальником?! Почему именно Максим, а не другой бывший, например, тот первый парень, с которым я когда-то встречалась, прыщавый очкарик, имя которого даже не помню? Почему это именно он, тот человек, от расставания с которым до сих пор болит сердце?!”

Да, я бросила его. Единственного человека, которого когда-либо любила. Без которого, кажется, дышать не могла. Бросила и жалела об этом. И сейчас жалею.

Но прошлого не вернуть. Да и мы сами оба очень уж изменились.

Разве я могла подумать тогда, что из отличницы превращусь в поломойку? Что буду терпеть такие унижения? Кажется, что жизнь, со всеми ее рассветами, мечтами и надеждами уже давно прошла, осталась где-то за спиной, хотя и не жила я вовсе.

Разве могла подумать, что из сущего хулигана, от которого вздрагивал весь университет, которого боялись даже учителя, из богатого мажора, которому все доставалось лишь по праву рождения, Максим превратится вот в такого красивого властного, но... пижона, который будет смотреть на меня сверху вниз?

Воистину, жизнь непредсказуемая штука.

Почему я тогда бросила Максима? Он казался мне неподходящей партией, ведь я собиралась покорять весь мир своим умом, образованием! А потом выяснилось, что этого недостаточно.

“Ладно, что тут думать? Что еще можно сказать?” – раздраженно разглаживаю я одежду на себе. – “Только только, что я приобрела опасного врага в лице его холеной крале, которая при любом удобном случае вцепится мне в лицо! Вот попала так попала!”

Телефон звонит так резко, что я вздрагиваю и с опаской смотрю на него. Звонит Иван.

“Наверное ему тут уже доложили, что я полуголая бегала по отелю...”

Мне хочется влепить себе пощечину. И упасть на постель. Проспать месяц, чтобы позорные воспоминания о том, как на меня глазели горничные и постояльцы отеля, пока я неслась по коридору, стерлись наконец из головы!

Но я, конечно же, беру трубку.

– Алло, – выдавливаю из себя.

Сейчас меня, кажется, уволят. Может оно и к лучшему?

– Светлана, здравствуйте еще раз, – голос Ивана звучит озабоченно. – До меня тут дошли некоторые слухи...

Медленно заливаюсь краской по самые уши.

Что мне сказать? Что он не так все понял? Что я не виновата и произошедшее – лишь стечение глупых обстоятельств? Что я идиотка?

“Последнее явно будет лишним, даже если он думает обо мне именно так...”

– Какие слухи? – невинным тоном интересуюсь я.

– О том, что вы полуголая выбежали из номера моего партнера.

Набираю в грудь поглубже воздуха.

Сейчас я буду унижаться еще раз. Если не хочу лишиться работы.

– Я вам все объясню. Все совершенно не так, как может показаться...

Под конец разговора Иван откровенно смеется мне в трубку, а я ощущаю, как пылает лицо. И хотя мне легче от того, что я ему это все рассказала, осознание того, что я практически незнакомому человеку распахнула душу, не слишком приятно.

– Знаете что... Больше можете не выходить на работу!

– В каком смысле? – бормочу я. Сердце холодеет и падает, кажется, куда-то в желудок. Меня, несмотря на откровение и правду, все же уволили?!

– Ой, нет, я вас ни в коем случае не выгоняю! – смеется Иван. – Просто сегодня отдохните, а завтра с новыми силами приступайте к работе!

– А-а-а... Вот вы о чем!

– А в качестве извинения перед вами приглашаю вас на ужин!

От неожиданности открываю рот:

– Какое такое извинение? Вы же ни в чем не виноваты...

– Вы – наш сотрудник. Получили моральную травму. А я, как совладелец отеля, должен, нет, просто обязан вам помочь от нее избавиться! Не отказывайте мне, прошу вас, – его голос звучит мягко, почти умоляюще.

И я почему-то соглашаюсь.

– Ну... хорошо.

– Прекрасно! Значит жду вас в восемь в вестибюле отеля! До встречи! – говорит он и отключается.

А я, как деревянная, стою, вновь и вновь разглаживая на себе костюм горничной.

“Что мне надеть? У меня ведь ничего нарядного нет... И зачем я вообще согласилась? Ой дура-а-а...”

Тяжелые размышления прерывает тихий стук в дверь.

– Войдите, – настороженно произношу я. И когда в комнату заходит соседка, протягивая мне коробку, спрашиваю:

– Что это такое?

Она лишь пожимает плечами и отвечает:

– Тебе просили передать. Подарок какой-то наверное...

На ужин я прихожу в смятении.

Иван же, когда видит меня, привстает с места и, кажется, не находит, что сказать. Судя по его удивленному виду, наряд выбирал не он.

“Похоже, что я знаю, кто это сделал...” – сжимаю влажными руками подол ярко-красного платья. Длинный разрез обнажает спину почти до ягодиц, а глубокое декольте не оставляет простора для фантазии. Зато подолом можно полы подметать – шлейф платья тянется почти на метр. Из-за того, что оно сделано из шелка, кажется, будто под ним ничего нет.

Это не говоря уже, что мне в нем прохладно.

Но я натягиваю на лицо улыбку, пытаюсь сделать хорошую мину при плохой игре. Чувствую на себе многочисленные взгляды, в том числе и сотрудниц, которые почти сворачивают шеи на меня, и в груди становится тесно.

Моей репутации, похоже, конец.

Завтра меня заключут на рабочем месте. И зачем я только надела это платье?!

– Вы... прекрасно выглядите, – выдавливает из себя Иван и чуть розовеет. Натянuto улыбаюсь ему и цежу сквозь зубы:

– Спасибо. Мне очень приятно.

Лучше бы я пришла в форме горничной.

Иван встает и отодвигает передо мной стул. Улыбается вполне себе вежливо, почти сочувственно:

– Мне жаль, что у вас был сложный день. Может, вина?

Тяжело вздыхаю:

– Честно говоря, я бы не отказалась от бокальчика... Ой!

– Не смущайтесь, – тихо смеется он и присаживается напротив. – Сейчас я все закажу...

Обстановка постепенно разряжается. Иван больше не говорит о моем платье, но замечает, что мне холодно. Потому что мурашки, бегающие по моей коже, видно, похоже, из космоса.

– Возьмите, – он снимает с себя пиджак и быстро накидывает мне на плечи. Меня тут же окутывает приятным запахом эвкалипта и теплом. И заставляет улыбнуться. Вечер перестает казаться катастрофой не только из-за проявления этой внезапной заботы, но еще и от осознания того, что пиджак закрывает это ужасное платье.

Нам приносят ужин. На столе зажигают свечи.

Звучит приятная музыка и между нами течет приятный разговор.

И все же... Все же. Где-то на подкорке сознания мелькает лицо Максима, который зло смеется, наверняка довольный тем, что платье попало ко мне. Ведь кроме него и Ивана больше никому было дарить такую пусть и безвкусную, но дорогую вещь.

И раз Иван отпадает, значит это дело рук Максима.

“Вот ведь спокойно ему не живется! Почему не оставит меня в прошлом? Меня и наши отношения... Боже мой, какие отношения? Между нами давным-давно все закончилось, а я все еще думаю о нас! Позорище! Как курица с отрубленной головой по инерции бегаю-бегаю... Думаю о нем!”

– ...Светлана?.. – доносится до меня озадаченный голос Ивана и я вынырываю из своих мрачных мыслей.

– Ой, простите, вино разморило меня, – тихо улыбаюсь ему. – Очень вкусное...

– Мы покупаем самое лучшее, – кивает Иван с удовольствием. – Налить вам еще?

– Думаю, это будет лишнее, – раздается ледяной голос, от которого меня промурашивает холодом с макушки до самых пят.

Резко оборачиваюсь.

Сверху вниз на меня смотрит Максим. И, кажется, он в бешенстве.

– О, Макс, привет! – оживленный Иван будто не видит то, в каком гневе его партнер. – Хочешь к нам присоединиться?

– Не имею ни малейшего желания, – цедит тот сквозь зубы. – Не знал, что вы здесь ужинаете.

Его взгляд красноречиво скользит по моему платью.

Глаза пылают от ярости, а я... я почему-то испытываю от этого почти физическое удовольствие. Выкуси, гад! Думал меня унижить? Не выйдет!

Возможно вино ударило мне в голову, но я улыбаюсь.

Широко и от души.

И предлагаю:

– Ну что же вы, Максим, мы совсем не против вашей компании...

Понимаю, что веду себя как идиотка, но ничего не могу с собой поделать. Ни тогда, когда Макс сейчас, кажется, вспыхнет, как зажженная спичка. В конце концов, должна же я получить хоть какое-то удовольствие после сегодняшних банных процедур, истерических выкриков и бешеных собак?

Он шумно отодвигает стул, резко садится.

Наливает себе вина в один из свободных фужеров. Почти до краев.

Берет, едва не разливая его на белоснежную скатерть.

И залпом выпивает. Словно водку.

Шумно выдыхает и поворачивается ко мне.

– О чем беседуете?

Смотрит прямо. Пристально. Прожигая злым взглядом.

– Иван пригласил меня на ужин, потому что узнал о наших с вами злключениях, – мягко улыбаюсь ему. Знаю ведь, что тигра за усы дергаю, но остановиться не могу! И не хочу!

– Злключениях.

Макс произносит это слово словно смакуя. Почти по слогам.

Затем снова наливает себе вина.

– Эй, друг, ты бы полегче! Не налегай! – смеется ничего не подозревающий Иван. – И вообще, почему ты один? Где твоя девушка?

– Устала с дороги, – резко обрубает его Макс.

– Понял... Ой, простите, мне звонят, – Иван хмурится и берет мобильный, который из всех сил надрывается. – Бухгалтер.

– Ответь, это наверняка важно. А я прослежу за твоей гостьей, чтобы никуда не делась и не умерла от скуки

“Знаю, как ты проследишь... Умереть от скуки мне не грозит, если только от твоих рук...”

Иван кивает и, прежде чем я успеваю что-то сказать, покидает нас.

Мы остаемся вдвоем.

– Ну и что ты здесь устроила? – рычит Макс тихо.

– Ничего. Тебе все объяснили.

– Какого хрена ты пришла сюда в этом... в этой тряпке?!

– Той, что ты мне прислал?

– Я тебе ничего не присылал! Это не мой подарок! – заявляет он, но два ярких пятна, выступивших на щеках, говорят об обратном.

– Горский, ты вот вроде был плохим мальчиком в универе, а так и не научился врать!

– Прекрати!

– Если не ты прислал мне эту “тряпку”, то чего злишься?

– Ты выглядишь, как проститутка!

– Тебя это не касается! Хотя голая буду ходить здесь, это не твое дело!

– Что, понравилось голышом по отелю бегать? – прищуривается Макс. – Устроить тебе снова такой забег? Ты не стесняйся, обращайся, я помогу...

– Я в тебе не сомневаюсь! Только черта с два ты еще раз увидишь меня в своем душе!

Он сжимает руки в кулаки. Наклоняется и шипит:

– Ты меня получить не смогла, теперь за Ивана принялась? Не выйдет!

– Да кому ты нужен, когда есть Иван? Он сам меня позвал на свидание! – брякаю я и с ужасом понимаю, что глаза Макса наливаются кровью!

Бегу.

Я снова бегу по коридорам отеля.

На этот раз убегаю от разъяренного Макса, который мчится за мной по пятам для того, чтобы... а для чего, собственно?

Я не знаю.

Не смогла уловить момента, когда он вскочил из-за стола, чуть ли не переворачивая его. Не успела понять, когда вскочила сама, зачем-то прихватила бокал с шампанским и побежала на выход из ресторана!

“Это уже какой-то условный рефлекс! Бежать от этого сумасшедшего, пока он не хлопнул меня, словно муху!” – с ужасом думаю я, а затем что-то дергает меня назад, так что я едва не падаю на высоченных каблуках!

Раздается зловещий треск. Я замираю и оглядываюсь.

Макс, наступив на длинный подол моего платья, держит меня в ловушке.

– Попалась, чертовка! Теперь-то мы поговорим с тобой с глазу на глаз! Я научу тебя, как с боссом разговаривать! Еще пожалеешь о сказанном!

Упираю руки в бока.

– Напугал ежа голой жопой! – рявкаю. И делаю шаг вперед, затем другой и...

Ткань платья с оглушительным треском рвется прямо на самом стратегическом месте!

Глаза Макса округляются.

– Сумасшедшая! – выдыхает он.

– Глаза ломаешь! Не для тебя моя ягодка росла! – парирую я, закрывая руками полуголый тыл и бегу к своему номеру.

Шампанское из бокала, который зажат в одной руке, разливается прямо на дорогуший паркет, и я вообще не понимаю, почему его схватила... Слышу лишь пыхтение Макса за спиной, который, кажется, вопреки всем моим ухищрениям, все же меня догоняет!

Я уже около двери, уже нажимаю на ручку... Как позади меня раздается нечеловеческий вопль Макса, и спустя мгновение меня сносит его мощной фигурой в спальню! По инерции он падает на меня, а я – на пол.

– Уй!

Пытаюсь встать, но не получается. Макс разлегся на мне, как на матрасе.

– Я поскользнулся на твоём шампанском... – бормочет он.

– Встань с меня, ты тяжелый!

Попой чую его возбуждение, и меня прошибает жаром.

– Не заходи в тыл, солдат, там может быть опасно... – бормочу я, заливаясь краской.

– Чего?!

– Член свой от моей задницы убери, говорю! Извращенец!

Злобно пыхтит и все же встает с меня. И когда я уже готовлюсь вздохнуть с облегчением, внезапно переворачивает к себе лицом, нависает надо мной.

– Вот ты и попалась, – выдыхает тяжело, впиваясь в меня тяжелым бешеным взглядом.

– И что? Ну попалась, ну и что? Теперь что хочешь мне сказать? – вызывающе скидываю подбородок наверх. – Не я это начала. Признайся, ты ведь сам прислал мне это платье!

Горский молчит. И в этом его молчании ответа больше, чем в самом откровенном признании.

– Слезь с меня. И убирайся из этого номера! – рявкаю я, разозлившись.

– Ты ничего не перепутала?! – сужает он глаза. – Это, вообще-то, мой отель! И комната моя, одна из многих! И ты работаешь на меня! Не только на Ивана!

– Пока я живу здесь, комната моя! Можешь, черт побери, меня уволить, если я тебе так мешаю! Только пожалуйста, слезь, а то меня сейчас раздавишь!

– Какая же ты... – Макс наклоняется ко мне, блестя глазами. – Какая же...

– Какая? Ну говори уже!

– Невыносимая... – шепчет он и склоняется ко мне еще ближе.

Тут же закрываю ему рот ладонью.

– Только попробуй, Горский! Без языка останешься!

Он тут же отстраняется.

– Да кому ты нужна тебя целовать!

– Между прочим, я ничего не говорила о поцелуе! И вообще, встань с меня, быстро!

С тяжелым вздохом Макс встает, дергает меня за руку и припечатывает к себе.

– Учти: будешь вилять хвостом перед Иваном – я тебя уволю!

– Моя личная жизнь тебя не касается! Я взрослый и свободный человек, который сам распоряжается...

– Распоряжаться ты будешь у себя дома, а здесь я хозяин! – рычит Макс.

– В контракте, который я подписывала, не было такого пункта, где я не могу иметь отношений! С начальником, с работником, с папой Римским, да хоть с дедом Морозом! Я свободна строить их с тем, с кем посчитаю нужным!

– Значит завтра подпишешь другой! – шипит он зло. – Это я тебе обещаю! И не вздумай сбежать!

Развернувшись, он вылетает из моей комнаты, громко хлопнув дверью. Ну что за невыносимый мужик!

Невыносимый, наглый, будоражащий, привлекательный... Черт. Черт бы побрал Горского и его отель!

Со вздохом валюсь на постель, зарываюсь головой в подушку и стягиваю с себя порванное платье. Отрываюсь от подушки, рассматриваю бедную несчастную тряпку. Да Горский просто вандал! Порвал окончательно, почти до спины. Изверг!

“Теперь его только выкинуть...” – с сожалением думаю я.

Рабочий телефон, установленный в комнате, внезапно звенит. И я понимаю, что звонит, скорее всего, Иван. Так оно и оказывается.

– Куда же вы пропали, Светлана? – расстроено спрашивает он. – Я вернулся, а никого нет...

Мне жаль, что приходится врать ему, но выхода нет. Не могу же я сказать ему, что Макс в порыве бешенства порвал мне платье!

– Мне стало плохо, и ваш партнер вызвался меня проводить... Кстати, вы не видели мой мобильный телефон? Я могла его на столе оставить...

– К сожалению, нет... Но я могу поискать.

– Если вам не трудно, – цежу сквозь зубы, постепенно догадываясь, у кого может он быть.

Какой же Макс гадкий гад! Наверняка перехватил мой телефон, когда я упала! А может быть, я его просто потеряла? Нет, такие совпадения попросту невозможны!

Иван отключается, а я вновь со стоном валюсь на кровать. А потом подрываюсь, слыша безумные крики из коридора:

– Ты опять где-то мотался, пока меня не было рядом! Да что же это такое?!

Подкрадываюсь к двери, открываю ее.

“Кажется, тяжелый день Макса продолжается” – злорадно думаю я, глядя на то, как его силиконовая пассива лупит его по плечам.

А потом ее взгляд падает на меня.

– Ах ты!..

Прежде, чем она успевает ко мне подлететь, я захлопываю дверь и закрываюсь. Эвелина лупит в дверь кулаками, что-то орет, но постепенно крики затихают, а вскоре и пропадают вовсе. Наверняка Макс утащил ее. Вот и правильно, пусть сам разбирается со своей чокнутой!

Иду в душ и долго стою там, наслаждаясь тем, как быстро вода смывает весь этот сумбурный суматошный день. Вспоминаю снова и снова Макса, его взгляды, его саркастическую улыбку. И вновь проклиная себя за то, что сердце бьется все так же быстро, как и когда-то давным-давно.

Я все еще... Все еще его...

“Нет!” – хлопаю рукой по стене. Все прошло, все позади. А то, что происходит сейчас, – просто временные трудности. Неприятности.

Так я думаю, когда выхожу из душа.

Так думаю, когда ложусь спать.

И такое у меня ощущение, когда я рано утром просыпаюсь.

Ровно до того момента, пока не слышу язвительный голос Макса в своей комнате:

– Проснись и пой, птичка!

Глава 4

Максим

Светка стонет, накрываясь с головой одеялом.

– Пожалуйста, скажи, что ты мне только снишься!

– Обломишься, – скажусь я. Потом вспоминаю, что она меня не видит, и перестаю улыбаться. – Я пришел к тебе с рассветом, рассказать, что солнце встало.

– С приветом.

– Что с приветом? – не понимаю я.

– Ты! Ты, Макс, с приветом! – кричит Светка. Садится на постели, внимательно осматривает меня и констатирует: – Бухал всю ночь.

Я офигеваю в прямом смысле этого слова. Неужели так заметно?

Я ведь реально бухал всю ночь. Сначала поскандалили с Эвелиной – стоило приехать сюда, та словно с цепи сорвалась и бесконечно выносит мне мозг. Пора бы уже завязывать с этими отношениями, но я зачем-то тяну. Очевидно же – жениться я не собираюсь и вот это вот все мне вообще не всралось.

В общем, мозги она мне вынесла вчера знатно. Я взял Лулу и громко хлопнул дверью люксового номера, покинув истеричку, кровать размера кинг-сайз и тропический душ, а также потеряв последние надежды спокойно встретить новый год и проконтролировать работу своего нового детища. Мы гуляли больше часа, потом отправились в кабинет. А там был Ваня.

Он – парень то хороший, мой близкий друг, муж моей школьной подруги и соседки. Да-да, вы не ослышались. Он женат.

А потому совсем не подходит Светке. Моей Светке вообще никто не подходит. Но Ваня, как я уже отметил выше, вообще не вариант.

О чем я и поспешил ему напомнить. А еще пригрозил – пожалуй, впервые со дня нашего знакомства, – что расскажу обо всем Нике. И Свете. А так как девушки прекрасно знают друг друга, хоть и никогда не были близкими подругами, то выйдет зачетная заварушка, которую я совсем не прочь понаблюдать с попкорном в руках.

Словом, с ним мы тоже повздорили. Вечер у меня не задался. Я заперся в кабинете и уговорил бутылку виски. Отрубился прямо в кресле. Проснулся с похмельной головой.

Сразу же отыскал договор, и – вот так сюрприз! – оказалось, что Светка никакая ни горничная. А целая владелица клинингового агентства, оказывающего нам услуги. Ну и дела!

Потом я быстренько состряпал новый типовый договор, включающий особые условия, не позволяющие сотрудникам интрижки на рабочем месте. И не придумал ничего лучше, чем заявиться к ней в номер, чтобы дождаться, когда она проснется.

И вот мы здесь.

Но рассказывать все это я ей не собираюсь.

– Да ты прорицательница, Свет, – ухмыляюсь я. – Предскажи, плиз, курс биткойна на 2030?

– Иди. В. Баню!!!

В меня летит подушка, которая попадает прицельно в голову.

– Ауч! – вздыхаю я. – Превосходно! Ты не только прорицательница, но еще и снайпер теперь?

– А еще – горничная в твоём отеле, – восхитительно улыбается эта чертовка. – И если ты хочешь, чтобы она вышла вовремя на работу, то поскорее свали отсюда.

– Кстати, об этом, – снова вздыхаю я. Она смотрит с подозрением, чуть наклонив голову вбок.

Сейчас она похожа на Лулу, даром что язык не высовывает! Эта мысль вызывает невольную улыбку. И заводит. Черт, мне бы хотелось увидеть этот острый язычок. И ощутить у себя во рту.

– Макс, прием! – Света щелкает пальцами, поторапливая меня. – Как слышно из космоса?!

– Прости, задумался. – отмираю я, оттесняя горячие мысли о Светкином языке в моем рту. – Я чего пришел то. Вот. – Беру с комода папку с договором и ручку и протягиваю ей. – Я перезаключаю с тобой договор, ИП Соколова. Теперь я твой главный босс, а не Иван.

– Самодур ты, Горский! – она закатывает глаза, но вытягивает руку максимально возможно, с усердием удерживая одеяло. – Давай сюда свой договор.

– Не дотягиваюсь, – качаю головой, едва удерживаясь от хохота.

– Тогда подойди, – велит Соколова.

– А ты чего? Боишься, что кто-то увидит твою целомудренную пижамку и перевозбудится?

Я дразню ее, это же очевидно.

Но Светка лукаво прикусывает нижнюю губу, резко отбрасывает одеяло в сторону, и у меня поднимается давление. Сразу везде.

Верх её пижамки весьма целомудренный: глухая закрыва рубашка, застегнутая на все пуговицы.

Но низ... Низ – ультракороткие шортики, не оставляющие никакого простора для воображения.

Длинные ноги Светки, стройные и красивые, с аккуратными педикюром ярко-розового цвета, сразу же захватывают всё моё внимание.

Эти ноги созданы для того, чтобы их целовали.

Эти ноги созданы для того, чтобы их забрасывали на плечи.

Чертовски сексуальные, мать их, ноги!!!

– Горский, прием! – озадаченно щелкает пальцами перед моим лицом Соколова. – У тебя приступ дебилизма?

– А? Что? – с трудом фокусирую взгляд на её лице. – Какой ещё приступ?

– Откуда я знаю? Я ж не медик. Приступ, удар, инсульт, синдром отмороженной головы – что с тобой, Максим? Почему ты пялишься на меня затуманенным взглядом и едва ли слюни не пускаешь?

– Забыл, какая ты красивая, – улыбаюсь я. – Пропал дар речи, как тебя увидел в этой пижамке.

– Ой, не звезды-ка! Это твоя краля эталонная красotka, весь нельзяграм в таких. А я – обычная. Договор давай.

– Дурочка ты, Соколова. – усмехаюсь я. Надо же – с такой внешностью и такие глупости городит. Ещё и с темы соскакивает. Но я принимаю это. – Держи.

Протягиваю ей папку и жду, пока она тщательно изучит всё. Света фыркает, дойдя до пункта о запрете отношений на рабочем месте.

– И чего я сомневалась? Ты точно дебил. – Но договор подписывает. Захлопывает папку и пихает её мне в руки. – А теперь – на выход!

– Как? – деланно удивляюсь я. – Так сразу?!

– Макс, бесишь уже!!! – рычит она.

– Ах, как же жаль! Потому что ты мне нравишься.

Это должно звучать шуткой, но это правда. Мои бесячие чувства не угасли, несмотря на то, что она порвала со мной. Несмотря на Эви, вереницу баб до неё... Я всё ещё влюблен в Светку Соколову.

Это открытие как обухом ударяет по голове.

И самое ужасное, что Соколова прекрасно понимает это.

Она застывает с открытым ртом, смотрит на меня огромными глазами и неожиданно жалобно просит:

– Максим, уйди. Пожалуйста.

Она смотрела на меня также, когда сообщала, что мы не можем быть вместе.

И это невообразимо злит меня.

Резко развернувшись, я убираюсь подальше и громко хлопаю дверью напоследок.

Злой, как черт, с единственным желанием снова надраться в зюзю, я забираю из кабинета свою собаку, подхватываю вещи и убираюсь на свежий воздух.

Лувилана чувствует, что я не настроен играть, ведёт себя сдержанно. Моя идеальная. Единственная, кто всегда правильно меня понимает.

Быстрая прогулка на морозе успокаивает выброс негатива и раздражения, и постепенно я начинаю думать здраво.

“Ей страшно, чел, – убеждаю себя. – Она всё ещё не знает, как сильно ты изменился, повзрослел. Ей страшно, что она снова не сможет на тебя положиться. И если ты хочешь вернуть её, то придётся добиться заново”.

А я хочу?

Хороший вопрос!

И он занимает все мои мысли.

Я возвращаюсь в номер. Эвелина ещё сладко спит. Ну за каким фигом я взял её с собой?

Теперь я сожалею.

Иду в душ. Стою под холодной водой, слышу, как скрипит дверь, как раскрываются створки душевой кабины, и Эви ныряет ко мне.

– Ай, Масик, ты чего в такой холодной воде моешься?

Я автоматически переключаю кран, Эвелина скользит рукой вниз, к паху, с явным намерением приласкать.

– Не надо. – говорю я, останавливая её руку. И даже сам пугаюсь этого. Я вообще здоров или уже брежу?

– А как же утренний минетик? – бесящим сюсюкающим голосом спрашивает меня.

– Омлетик был бы куда более кстати, – говорю ей.

– Мась, повернись. – просит Эвелина. Я поворачиваюсь к ней. – Скажи мне честно, у тебя что-то было с той горничной?

– Ты опять решила завести ту же пластинку? Не стоит.

– Почему? Почему я не могу получить ответ на такой простой вопрос?! Я же вижу, чувствую, что с тобой что-то происходит! Ты даже не смотришь на меня, и мой психолог сказала, что, вероятно, тебе стыдно за измену. А у меня есть самооценка, об меня никому нельзя вытирать ноги.

Я молча поднимаю её и выношу из душа. Просто чтобы выйти оттуда самому. Так же молча оборачиваю бёдра полотенцем и выхожу из уборной.

Эви бежит за мной, причитая и сыпя проклятиями.

– Ты променял меня?! На это вот чучело?! На поломойку?! Мой психолог сказала...

– Твой психолог, за которого плачу я, кстати, ошибается. Я не смотрю на тебя не из-за стыда от измены. А потому что наелся досыта этим медийным лоском, этими поцелуйчиками на камеру и всей прочей чепухой. Это не отношения, Эвелин. Это показуха. А спроси я у тебя, какой суп предпочитаю, почему так и не окончил вуз и как зовут мою первую серьёзную девушку, ты не ответишь. Потому что всегда пропускаешь мои слова через нелзграмные фильтры и воспринимаешь только то, что выгодно тебе. Ты пользуешься мной, я – тобой. Это модель потребления. Это не человеческие отношения. И я устал. Я хочу иметь обычные, мать их, отношения! А не идеальную нелзграмную картинку, пропущенную через фильтры.

– Но я же люблю тебя, Масик! – театрально заламывает руки Эви.

– Нет. Не любишь. – усмехаюсь я. – И я тебя нет. Обсуди это со своим психологом, пока я буду работать, ок?

С чувством облегчения отправляюсь одеваться, беру с собой Лулу и иду в кабинет.

А там уже Ваня. Со Светой, чтоб её, Соколовой, которая улыбается ему, поглаживая по плечу.

Это. Просто. Капец.

Глава 5

Лана

Я была бы рада, если бы Горский мне не снился. Была бы рада забыть о нем хотя бы во сне, но нет.

Всю ночь он обнимал меня. Прижимался ко мне со спины, утыкаясь своим внушительным хозяйством в ягодицы! Что-то шептал на ушко... Что-то приятное, нежное. То, от чего я покрывалась мурашками и ластилась к нему, как последняя кошка, которую погладили по шерстке! Тьфу!

Убить себя была готова, как только проснулась!

Но убить себя не получилось, потому что Горский ворвался и в мою реальность!

“Никуда от него не деться... Может, правда уволиться?” – думаю я, тоскливо тараща в чашку кофе. Максима уж и след простыл, и мне наконец удастся расслабиться и начать собираться.

Потягиваюсь, сонным взглядом смотрю в панорамное окно, на огромные заснеженные горы, величественно возвышающиеся над курортом.

Красота. Так и хочется здесь жить. Жить и ни о чем не думать.

Контракт, который составил Макс, лежит на столе. Меня так и тянет вылить на него кофе. А еще я так и не спросила у Макса про свой телефон!

Тяжело вздыхаю и включаю телевизор, делая себе пометку на память: узнать у этого олуха, куда он дел мой мобильный!

Пока пью кофе, краем уха слушаю предновогодние песни. Время еще есть перед рабочим днем, поэтому я могу немного расслабиться.

Бездумно щелкаю по каналам, пока мой взгляд не натывается на любимый, кажется, миллион раз уже просмотренный фильм. Кажется, я никогда не устану его смотреть.

– Людк, а Людк!

– Что?

– Глянь, че делается... Это ведь она.

– Здравствуйте, Люда. Вы что, намерены скандалить? Я к вам пришла, как к умной взрослой женщине...

– Ах ты, сучка ты, крашена...

– Почему же крашена? Это мой натуральный цвет...”

Мысленно хмыкаю и беру из вазочки, стоящей на столе, ярко-оранжевый мандарин. Чищу его и вгрызаюсь зубами, прикрывая глаза от удовольствия.

– Учудила, конечно, эта мадам... – бормочу я. – И зачем только это все затеяла?

Всегда было по-человечески жаль Надежду, которая столкнулась с предательством мужа.

Кидаю быстрый взгляд на часы. До смены еще полтора часа. Есть время досмотреть фильм, который трогает тонкие струны моей души.

–... Девушки, уймите вашу мать! Тихо... Тихо! Зараза! “Людк, а Людк”! Тьфу, деревня!”

Любимая Гурченко вскакивает с холодильника, встряхивается, сбрасывая с себя образ интеллигентной женщины, и стремительно удаляется из дома Надежды, главной героини фильма “Любовь и голуби”.

Качаю головой, понимая, что и просмотр любимого кино, и запах мандаринов, и кофе, и пейзаж за окном... Все это способствует максимальному умиротворению. Покою в душе.

Кажется, что все будет хорошо. Что все трудности, которые происходили со мной в этом году, наконец отступят. Рассеются, словно туман, уйдут, испарятся...

Тихий стук в дверь разбивает мою идиллию. Глубоко вздыхаю, убавляю телевизор и с неохотой плетусь, чтобы понять, кто снова меня беспокоит.

И вижу улыбающегося Ивана с цветами. С теми самыми ромашками, на которые у меня аллергия. Откуда только он их достал?

– Доброе утро! – сует он их мне в нос и я, не сдержавшись, чихаю. Затем снова. И снова. И снова.

Лицо Ивана вытягивается.

– Я не угадал с подарком, – он резко убирает от меня цветы. – У вас аллергия, да?

Чихая вновь и вновь, киваю.

– Простите, мне... мне надо... апчхи!

– Это вы меня извините, пришел так рано, да еще и... – расстроено смотрит на меня. – Мне, пожалуй, надо идти... Я вас прошу зайти ко мне попозже в кабинет, хорошо?

Киваю и быстро закрываю дверь перед его носом.

Судя по всему, Иван всерьез заинтересован мной. Как бы ему не слишком очевидно и обидно отказать?

Поспешно соглашаюсь с ним, захлопывая дверь перед его носом. Возможно, это не слишком вежливо, но моя аллергия все решила за меня.

Еще минут пятнадцать чихаю, как очумевшая, и чувствую, что новогоднее настроение, овладевшее мной ранее, то радостное предвкушение, постепенно исчезает.

Грустно настраиваюсь на рабочий лад, надеваю форму и выхожу из номера в новый день. Покорять новые вершины.

Быстро добираюсь до кабинета Ивана, вижу его на рабочем месте. Он выглядит расстроенным и потерянным.

– Как и обещала, я здесь, – мягко улыбаюсь ему, стремясь загладить недавнюю грубость.

Он улыбается мне в ответ и снова спешит извиниться:

– Я не знал, какие вы любите цветы и решил, что ромашки это романтично и экзотично, учитывая то, что мы находимся на курорте... Простите. В следующий раз, наверное, нужно спрашивать...

Мне хочется ответить ему, что следующего раза не нужно и его не будет, но язык не поворачивается этого сказать. Потому что лицо у Ивана настолько расстроенное, что я подхожу к нему и не нахожу ничего лучше, чтобы легонько не погладить его по плечу.

И в этот момент в кабинет заходит Максим. А вместе с ним и его адская собака Лулу.

“Принесло черта...” – тоскливо думаю я, а потом с ужасом вижу, как Лулу, сделав большие глаза и высунув язык, несется ко мне, сшибая стул на своем пути.

Да что ж это такое!

Взвизгнув, кидаюсь от нее в сторону, но не успеваю. Собака валит меня на небольшой кожаный диванчик, яростно облизывает все лицо шершавым языком!

– Помогите! Хулиганы зрения лишают! – кричу, пытаюсь отпихнуть наглое животное, которое как раз языком слизывает тушь с моих ресниц. – Изыди, адское создание!

– Как ты можешь так говорить? – возмущается Макс. – Фу!

– Собаке своей все это скажи!

– Это для нее, а не для тебя, дурында! Лулу, ко мне!

Низко и недовольно заворчав, та все же слезает с меня, а я спешно поправляю задравшееся платье.

– Что вы тут делали? – в голосе Макса звучат стальные обвинительные нотки. А меня так и тянет сказать: разврату предавались! Точнее, собирались!

Вот бы увидеть его глаза, если скажу... Но я, конечно, не собиралась сегодня покончить с этой прекрасной жизнью. А бешеный взгляд Горского как бы очевидно намекает на то, чтобы я была осторожнее со словами.

– Мы общались, – уклончиво отвечает Иван, на что Максим нехорошо усмехается:

– И как общение? Заладилось?

– Я искала свой мобильный телефон, – быстро встаю с дивана и подхожу к Максиму. – Вы его не видели случайно?

– Нет, – отвечает он и, конечно же, лжет. Эх, Максим-Максим, ничему тебя в универе не учили! Вроде плохим парнем был, а врать прилично так и не научился!

“Вот только зачем ему мой телефон?” – пристально всматриваюсь в его лицо, а он делает большие честные-пречестные глаза!

Неужели мне теперь нужно идти в его номер и искать чертову трубку?

“Как же бесит...” – со злостью думаю я, а затем мило улыбаюсь Ивану, с удовольствием слушаю скрежет зубов Максима:

– Я, пожалуй, пойду. Рабочий день уже начался.

Иван кивает, переводя взгляд с меня на Макса. Кажется, уже начал догадываться, что между нами что-то нечисто. Ну и плевать. Мне бы праздники эти пережить и свалить отсюда куда подальше. Забыть о Максе и прошлом, что нас связывает.

И как можно быстрее.

Разворачиваюсь, но как-то уж слишком резко. От чего задеваю вазу, которая стоит на высоком столике с длинными ножками. И как во сне вижу, что эта штукавина, которая наверняка стоит как десяток моих зарплат, медленно летит вниз, на пол.

И разбивается.

Ну все. Мне точно конец.

Звук разбившейся вазы знаменует, кажется, звук моего разбивающегося кошелька.

Ловкие руки ловят меня от падения, крепко сжимают. И тихий голос шепчет на ухо:

– Ой, Соколова, как же тебе не везет...

Голос Горского сочится неприкрытой издевкой.

– Ты теперь эту вазу оплачивать будешь знаешь сколько лет?

– Не пугай пуганую! – шепчу и выпутываюсь из его шаловливых ручонки и встаю на ноги.

– Я пойду. Выставите мне счет, пожалуйста... – произношу уже громче.

Снова улыбаюсь застывшему Ивану и вылетаю из кабинета.

Последняя фраза звучит сдавленно, честно говоря, я едва сдерживаюсь, чтобы не заплакать. Ну почему я такая невезучая?!

Целый день мне весьма успешно удается избегать встреч с Иваном, Максом, его шизанутыми блондинистыми подружками. Даже вполне удачно проскакиваю в люкс Горского, чтобы навести там порядок, когда он со своими суками на привязи куда-то отчаливает. Но моя удача не может длиться вечно.

Он караулит меня возле номера в конце рабочей смены. Я как раз на полной скорости выруливаю из-за угла, когда замечаю фигуру Горского, подпирающего мою дверь, и резко торможу, начиная пятиться обратно за угол.

– Ну куда же ты, Соколова? – с фирменной усмешкой кричит Макс. – Я уже увидел тебя, солнышко, глупо включать заднюю.

Я призываю на помощь все внутренние ресурсы, мысленно обращаюсь ко всем богам. Делаю глубокий вдох и протяжно выдыхаю.

– Чего тебе? – спрашиваю весьма невежливо, снова появляясь из-за угла.

– Решил самолично вручить тебе счет за свою винтажную итальянскую вазу, – иронично изгибая бровь, отвечает он.

– Давай сюда, – хмурюсь я.

Сколько там, интересно? Тыщ восемьсот? Ну, месяца три-четыре примерно отдавать придётся большую часть дохода, чтобы не пойти по миру.

Он протягивает мне бумажку, на которой написано: “Я, Соколова Светлана Александровна, в счет погашения стоимости винтажной вазы ручной работы мастера из Италии, обязуюсь выполнять все поручения и прихоти Горского Максима Романовича, пока он не получит моральное удовлетворение от потери своей собственности.”

– Пфф, – фыркаю я. – Что это за ерунда, Макс? Ты совсем больной на голову, коли решил, что я под такое подпишусь?

– Я отвалил за неё двенадцать миллионов на аукционе! – с обидой говорит он мне. – Это, Соколова, искусство, предмет роскоши! Так-то я мог бы и в суд пойти, но пожалел тебя, глупую. Знаю ведь, что ты не хотела. Что ж мы, по старой дружбе не решим маленькое недоразумение?

Двенадцать!!! Двенадцать чертовых миллионов!!!

Я не могу уложить это в голове. Лихорадочно соображаю, подсчитываю. Да я в лучшем случае смогу вернуть ему столько года за три – и прощайте, все мои личные мечты!

– Сможем? – неуверенно спрашиваю у него.

Макс широко улыбается:

– А то! Соколова, решайся, ну я же не изверг, не насильник... – “Просто клоун”, – додумываю я. – Никакой непотребщины, незаконщины, обещаю.

– Попахивает рабовладельчеством, – признаюсь я. – И это мне не нравится. Как и не нравится неопределенность в твоём... кхм... договоре. Сколько по времени он будет действовать? Согласись, “пока не получит моральное удовлетворение от потери собственности” – звучит весьма размыто.

– Мы можем внести в договор конкретные сроки... – тут же поддакивает Макс. – Скажем, до конца новогодних праздников. Как тебе?

Две недели? Что ж, потерпеть его две недели или мучиться целых три или даже четыре года и потерять всё? Выбор очевиден!

– По рукам, – быстро говорю ему, чтобы не передумать.

И в этот момент я надеюсь только на то, что мне не придется сильно об этом пожалеть.

Глава 6

Максим

Несколько часов назад

– Зайчик, ко мне подружка приезжает...

– Угу.

– ... и она остановилась в спа-отеле, а мы давно не виделись...

– Угу...

– Я хочу к ней съездить на пару дней. Ты же меня отпустишь?

Смотрю на Эвелину, как на идиотку. Она реально думает, что после того нашего разговора мне есть до нее дело? Или было когда-то?

"Езжай уже куда хочешь. И лучше не возвращайся!"

Так я думаю, но конечно же говорю ей другое:

– Да, я тебя отпускаю. Ведите там себя хорошо.

Даже если они вызовут стриптизеров и сожгут этот спа-отель к чертям собачьим, мне будет все равно. Просто появится лишний способ от нее избавиться. Но сказать об этом – все равно что в ногу себе сейчас выстрелить. Ведь мы с Иваном сейчас только-только поднимаемся, и лишние проблемы с ее отцом мне не нужны.

Зато ее отъезд подарит мне пару дней выходных. Таких долгожданных и светлых, новогодних... Тех, о которых я так долго мечтал.

И можно будет подумать о мести. И о том, как Света оплатит мне за разбитую вазу.

Иван конечно уже пытался защитить ее. Но я быстро ему объяснил, что если он будет так себя вести, то Светик быстро узнает, что он женат. И сразу же изменит свое мнение... Может, стоит сказать?

Об этом я размышляю, пока Эвелина собирается. А еще думаю, как же наказать Свету? Может быть заставить ее выплатить всю сумму сразу? Нет, это слишком скучно и не доставит мне удовольствия...

Ее вид в коротком костюме горничной вдруг пронзает мой разум и будто разряд электричества проходит по всему телу.

О да... Придумал!

Я превращу Светика в свою ручную зверушку, которая будет есть с моих рук и ползать у моих ног, чтобы я не выставил ей этот огромный счет!

Прекрасная идея!

"Горский, что еще я могу для тебя сделать?" – так и звучит музыкой в моих ушах.

Наряжу ее в это короткое платье, пусть убирается...

Нет, это плохая идея, я не могу позволить ей расхаживать в таком виде по отелю! Пусть работает только на меня! Будет моей личной горничной и уделяет время лишь мне!

Точно.

Тогда я смогу любоваться... то есть наслаждаться ее наказанием круглосуточно!

Наряжу ее в это платье, надену ей туфельки на высоком каблуке, прямо как у стриптизерши, волосы она распустил... Фух, что-то жарко здесь стало, чёртовы кондиционеры, нужно сказать, чтобы убавили!

– Милый, я пошла! – врывается в мой разум ноющий голосок Эвелины и я морщусь. – Даже не поцелуешь меня?

Нехотя чмокаю ее в щеку и она, довольно хмыкнув, удаляется из номера.

А я с чувством выполненного долга сажусь составлять наш со Светиком контракт. Благодаря ему она не сбежит и не сможет завести никаких ухажёров на рабочем месте.

Никто ей не поможет сбежать от меня.

С этой весёлой мыслью я заваливаюсь к Свете уже с готовым контрактом. И испытываю ликование, когда она ставит на нём свою подпись. Не без опасения конечно, знает ведь меня... Но это уже неважно. Подпись стоит, документ быстро оказывается у меня в руках и я с готовностью командую:

– В мой номер. Живо!

– Ты ничего не перепутал? – Света делает шаг назад, но я быстро хватаю ее за руку, трясущимся контрактом:

– Ничего, моя дорогая. И да, теперь нет никаких “ты”. Только “вы”. Зови меня просто хозяином!

Света смотрит на меня как на идиота.

Но меня это не особо волнует, я веду ее в номер. И когда открываю дверь, она бледнеет:

– О нет... Нет. Ты же не собираешься...

– Не “ты”, а “вы”, – мягко и с удовольствием вновь поправляю я ее. – Поухаживай за Лулу. Ее не вывели погулять, так что сама понимаешь...

Лувилана сидит посреди комнаты, машет хвостом. И когда видит Свету, ее энтузиазма становится больше. Большие круглые глаза загораются, она довольно поскуливает и рвётся к Свете, которая делает пару шагов назад, испуганная таким настроением.

– Сидеть, Лулу! – улыбаюсь я. – Приберись здесь, – указываю на вонючую кучку в углу и растерзанное платье Эвелины, которое та забыла забрать с собой. Дорогое, между прочим, и ни разу не одетое. Ну, сама виновата.

Представив, в какой ярости будет подружка, веселею ещё больше. “Может она бросит меня из-за собаки? Если тема с платьем прокатит, готов спустить целое состояние на шмотки для Эвелины, чтобы Лулу их подрала...”

– Что делать с вещами? – будто читая мои мысли, мрачно интересуется Света.

Широко ухмыльнувшись, отвечаю:

– Постирай в горячей воде.

Света удивлённо смотрит на меня. Очевидно, что даже она, не слишком знакомая с брендами, понимает, что такие вещи нельзя стирать в горячей воде.

– Но...

– Выполняй, что сказано, – в моём голосе звучат стальные нотки. Света поджимает губы и жмет плечами, как бы говоря этим: “как скажете”.

– Как я велел к себе обращаться? – почти ласково интересуюсь я.

– Как пожелаете... хозяин, – сквозь зубы отвечает она.

Прикрываю глаза. От удовольствия, пронзившего меня, екает сердце и мурашки бегут по коже. Как же я этого ждал... Возмездия. Мести. Ее, склонившей голову передо мной.

– Вот так-то лучше, – широко улыбаюсь я. – Работай. А я вернусь позже. Лулу, за мной! Осталось найти тот самый костюм, который не даёт мне покоя.

Когда через час мы с Лулу возвращаемся, то в глаза мне бросается аккуратная попка, торчащая из-под кровати. И в голове возникает мысль: может ну его, этот костюм? И так ведь хорошо...

Светик не видит меня, тихо и зло бранится, а когда вылезает, то сдувает с красного лица прядь волос.

– Хозяин...

Почему это прозвище звучит из ее уст как ругательство?

Она что-то поднимает и сует мне. В руке, одетую в перчатку, зажат использованный презерватив.

Пакет с костюмом, зажатый в руках, падает на пол. А у меня возникает дикое желание оправдаться. Что это не мое, что она не так все поняла...

Словно я муж, которого застали на горячем.

Странно, когда так думала Эвелина, ничего, кроме глухого раздражения это не вызывало. А сейчас...

– Стоп. Это ещё откуда... – прищуриваюсь я, пораженный внезапной догадкой. – Мы с Эвелиной здесь уже неделю не...

– Меня не интересуют ваши развлечения! – Света резким движением выкидывает находку в мусорное ведро. – С меня хватит. Поиграли в рабыню и хозяина, теперь я ухожу!

Хватаю ее за руку.

– Ты никуда не пойдёшь. Контракт подписан! Хочешь, чтобы я влепил тебе неустойку за невыполнение условий?

– Да плевать мне! – выдёргивает Света руку. В глазах у нее блестят слёзы, и я делаю шаг назад, поражённый этим. В сердце будто вонзается тонкая острая игла, прибивая меня болью к месту.

– Это не моё, – тихо произношу я, хватая ее за плечи.

– А чье ещё, Горский? – Света вздергивает подбородок, зло и вызывающе смотрит на меня. – Хватит нести чепуху! Отпусти меня!

Она вырывается и уже направляется к двери, как я рывком:

– Лулу, взять ее!

Собака, ранее до этого сидевшая и ждавшая моей команды, с радостным гавканьем набрасывается на взвизгнувшую Свету, валит ее на пол, прищипывая своим немалым весом. Облизывает лицо шершавым языком, пока Света пытается выбраться. Но тщетно, Лулу большая и тяжёлая, поэтому шансов на спасение у Светика нет.

Пока они барахтаются на полу, звоню Эвелине.

– Зайка, ты скучал?

Ее язык заплетается. Когда только успела наклюкаться? Всего пару часов прошло...

– Эвелина, что в моём номере под кроватью делает использованный презерватив?

– Что? – мгновенно трезвеет она. – Ты мне с кем-то изменил и хвалишься?!

– Эвелина!

– Или думаешь, что я тебе изменила? Горский, ты чокнулся?!

Нда... Ситуация.

Если так подумать, то Эви зациклилась на мне. Едва ли бы она стала мне изменять. Тогда кто тут намусорил?

С отвращением смотрю на свою кровать. При мысли о том, что кто-то в мое отсутствие мог здесь развлекаться, мне хочется сжечь ее.

– Значит, это кто-то из персонала...

– Я бы на твоём месте проверила эту горничную! – фыркает Эвелина и отключается.

С тяжёлым вздохом смотрю на красную и разгневанную Свету на полу.

– Это не я! И ты скоро поймёшь, что я говорю правду.

Когда мы просматриваем камеры видеонаблюдения в коридоре, которые находятся около моего номера, мне хочется закрыть лицо руками.

А у Светы открывается рот.

На камерах мы видим Ивана с одной из горничных. Они о чем-то шепчутся, целуются, а потом забегают в мой номер.

Я убью этого идиота, осквернившего мою кровать! Хотя с другой стороны... ее можно помянуть, а вот разрушенная репутация Ивана в глазах Светы уже не восстановится...

Невольная злорадная улыбка растягивает мои губы.

Тем лучше. Минус один соперник.

– А-а-а... А я думала, что он хороший... – растерянно лопочет она.

– Хороший, – задумчиво отвечаю я. – И женатый. Что, как видишь, ему совершенно не мешает. Плохой вкус у тебя на мужиков, Светлана.

– Это точно!

Услышав в ее голосе язвительные нотки, подбираюсь. Сурово смотрю на нее:

– Давай вернемся к рабочему процессу! Мало того, что ты разбила мою драгоценную вазу, так еще и оскорбила меня! Как будешь выкручиваться?

К моему удовольствию Света выглядит пристыженной. Она краснеет, отводит глаза и бормочет:

– Извини... те.

– Извините, хозяин, – ласково поправляю я ее.

– Извините, хозяин! – сердито рявкает она.

– Что-то у меня со слухом, видимо, приключилось, – горестно вздыхаю я. – Не слышу в твоём голосе раскаяния... Придется тебя наказать...

– Ну правда извини! Я... немного погорячилась!

Расплываюсь в коварной улыбке.

– Для того, чтобы показать, как тебе жаль, надень вот это, – и кидаю Свете пакет с выбранным для нее платьем горничной.

Глава 7

Лана

Когда я вижу презерватив под кроватью, чувствую, как мне не хватает воздуха, а от боли сжимается сердце.

В глазах темнеет, так что мне приходится прерваться. Ненадолго замереть раненой птицей, переживая эту острую боль и удивляясь: откуда она взялась?

Мне же должно быть все равно. Все равно! Меня не волнует этот дурак и то, чем и с кем он занимается! Я же знала, что у него есть Эвелина! И они явно не снеговиков лепят по ночам. Но все равно... все равно я почему-то думала... о чем?

– Идиотка, – зло цежу сквозь зубы. – Наивная дура. Скорее бы отсюда уехать и забыть все, как страшный сон...

Вытираю слезы из уголков глаз.

Слышу тихий скрип двери и ныряю под кровать, снова ругая себя за глупость. Зачем спряталась?

Макс бодр и весел, и от этого я злюсь ещё больше. Терпеть сил больше нет.

Вытаскиваю найденный компромат на Горского, ощущая себя обманутой женой.

И глядя на то, как вытягивается его лицо, чувствую некое подобие удовлетворения. Однако оно быстро исчезает под грузом тяжелой боли.

Мне хочется уйти. Исчезнуть из-под этого внимательного взгляда. Испариться, будто меня и не было вовсе.

Как было проще, когда Горский оставался в прошлом. Когда сам был этим прошлым! Я могла, конечно, часто вспоминать о нём, думать, как могло бы у нас сложиться, если бы не мои упертость и узколобость, ведь тогда я думала, что весь мир окажется у моих ног, стоит лишь немного постараться! Ведь я была грамотной и образованной медалисткой!

Оказалось, что одного желания и красного диплома недостаточно для исполнения всех планов.

Глупая, глупая я... Все потеряла. И мечту, и человека, который меня когда-то любил. А теперь поздно уже злиться, потому что Горский мне абсолютно ничего не должен.

Я встаю и собираюсь уходить, но он мне этого не позволяет. Прикосновения горячих пальцев к коже – словно ожог, растекающийся по всему телу. И бабочки... тысяча бабочек, кажется, заполняют моё тело. Я сама словно в бабочку сейчас превращусь. И от этого злюсь ещё больше.

Хочу выдернуть руку из его крепкой хватки, но Горский сильнее сжимает пальцы. В его глазах плещется... отчаяние?

“Так не выглядит человек, которому все равно”, – мелькает глупая мысль в моей голове, и я сразу же приказываю себе заткнуться.

Он намерен доказать мне свою невиновность. Зачем? Чтобы что? Я ничего не понимаю. Не понимаю ни себя и свою первобытную ярость, накатывающую каждый раз, когда думаю о них с Эвелиной, ни его.

Но Макс упорно ведёт меня в комнату охраны и мы просматриваем видео с камеры, которая висит около его комнаты.

И я открываю рот.

Иван, тот самый, который казался мне полностью положительным человеком, затаскивает в спальню Горского какую-то горничную... Это у них сексуальные игры что ли такие?

Я смотрю на это все и чувствую... облегчение.

Мне все равно, что Иван оказался совершенно не тем, кем пытался себя показать. Все равно, что он женат.

Я счастлива, что Горский правда не замешан в этом деле.

“Идиотка. От этого Эвелина не перестает быть его девушкой!”

Ладно. Пусть я и весьма наивная, все же решаю сделать для себя небольшую передышку. Но Горский мне и этого не позволяет.

Он вытаскивает из пакета какие-то странные тряпки и по-чудному улыбается. А я... я лишь радуюсь, что в комнате кроме нас больше никого нет.

Потому что такого позора мои седины бы точно не выдержали.

– Это что еще такое?

– Это твоя униформа, – сладко улыбается Горский.

– Ты спятил? – пялюсь на разноцветные тряпки с ужасом. – Где взял такое?

– В одном очень интересном магазине...

– В секшопе что ли?

Вместо ответа он ухмыляется:

– Ты опять забыла назвать меня “господином”. Что за непослушная горничная...

– Сам надевай эти тряпки! – рявкаю я, теряя остатки терпения. – Я уйду!

– Ну куда же ты опять! – судя по потемневшему лицу Горского он тоже начинает злиться.

Хватает меня за руку, притягивает к себе и яростно выдыхает прямо в губы:

– Будь послушной девочкой, Лана. Ты же не хочешь, чтобы я вышел из себя? Ты не помнишь, как это бывает? Ранее тебе не нравилось...

Я помню это.

В нашу университетскую пору Горский слыл отъявленным хулиганом. И когда злился, а злился он часто, то частенько впадал в бешенство. И в этом своем состоянии был совершенно непредсказуем. И если эта его черта сохранилась до сих пор, то мои дела плохи.

– Отпусти, – цежу сквозь зубы. – Иначе я тебе все лицо своими ногтями располосую... господин, – добавляю последнее слово едко.

На это Горский ухмыляется и притягивает меня к себе еще ближе:

– Ты как была дикой кошкой, Лана, так ею и осталась. Даже тогда, когда пыталась сделать из себя хорошую девочку, в тебе это просматривалось... А теперь продолжаешь? Что ж, мне это нравится. Но не думаю, что ты захочешь, чтобы я сам тебя раздел. Или все же надеешься?

– Вот еще! – рычу я и дергаюсь, но тщетно.

– Значит все же желаешь, чтобы я сам все сделал... – на его губах возникает порочная ухмылка, а затем к моему ужасу Горский хватает меня за тонкий поясок на форме и рвет его!

– Какого черта ты творишь? – хватаюсь за его запястья, но сильная ладонь с длинными пальцами перехватывает мои руки, сжимает почти что до боли, а Горский оказывается близко-близко...

Его большие глаза оказываются напротив моих. Сильное тело прижимается к моему, отчего я, кажется, ощущаю каждый миллиметр его мускулистого торса. И это ощущение настолько мне знакомо и так сильно кружит голову, что мне не удается сдержать невольный стон, срывающийся с губ.

Умопомрачительно. Быстро. Неотвратимо.

Так губы Горского накрывают мои губы, ловят этот стон и глотают его.

Так горячие ладони скользят по талии, прижимая к себе.

Ощущение твердой плоти, упирающейся мне в бедро, прокатывается жаром по всему естеству, заставляя дрожать и задыхаться. Я больше не принадлежу себе, я позабыла, что значит – быть самой собой...

“Будь ты проклят, Горский! Ты, который заставляет меня испытывать те старые чувства, которые, как я думала, забылись со временем!”

Так хочется прокричать мне, но я почему-то обвиваю руками его плечи.

Первобытная ярость уступает место другому, не менее жгучему чувству, название которого я, кажется, давным-давно позабыла, а сейчас вспомнила...

И имя ему – страсть.

Глава 8

Максим

Если бы мне кто-нибудь когда-нибудь сказал, что я буду так неистово пожирать Лану, которая когда-то давным-давно уничтожила во мне остатки гордости, я бы рассмеялся тому человеку в лицо.

Но что я делаю сейчас?

Зарываюсь пальцами в ее волосы, оттягиваю их, а затем взгрызаюсь жадным полу-поцелуем полу-укусом в белоснежную кожу шеи. Стремясь оставить там свои отметины. Чтобы никто, даже идиот Иван, так глупо проштрафившийся, не посмел к ней подойти...

Потому что она – моя.

Была, остается. И будет.

Эта мысль, словно разряд молнии, пронзает разум. Мгновенно. И так же мгновенно я принимаю эту мысль, как единственно верную. Потому что по-друго

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.